

франков, полюбила их пламенно и до того старалась снискать их дружбу, что, заплатив щедро стражам, сама передко посещала темницу, рассуждала с пленниками о христианской вере и истинной религии и после таких бесед удалялась оттуда со вздохом. Она предпочитала сладость дружбы с ними всей нежности родственников и в изобилии доставляла несчастным все, что было им необходимо. Отец же Мелазии, занятый множеством дел, не знал ничего о происходившем или, может быть, не обращал на то внимания, вполне доверяя благоразумию своей любимой дочери.

По прошествии двух лет возгорелась междоусобная война между Далиманом и его братом. Действительно, Солиман, побуждаемый честолюбием, поднял оружие против Далимана и, соединив около себя большое войско, перешел пределы владений брата и вызвал его тем на войну. В свою очередь, Далиман, вследствие такого нападения, собрав своих людей отовсюду на помощь, и гордый числом своих прежних побед, жаждал кровопролития брани; когда наступил час борьбы, он отправился в поход со своими полками. Между тем Мелазия имела следующее тайное совещание с христианами и говорила им так: «Я издавна слышала от многих похвалы военному искусству франков и хотела бы видеть тому доказательство при той схватке, которая предстоит моему отцу, с тем, чтобы *«Quod probat auditus, probet experientia visus»*¹.

Бозмунд отвечал: «Счастливая и благородная дама, если благополучию вашего отечества будет угодно, чтобы нам было дозволено идти на поле битвы с нашим рыцарским вооружением, то, без сомнения, мы покажем ясно, с мечом и коньем в руках, какие удары наносятся руками франков, и представим доказательство того в вашем присутствии на ваших неприятелях». – «Пообщайтесь мне, – возразила княжна, – поклявшись христианской верой, что в настоящем

случае вы будете действовать по моему распоряжению и не предпримете ничего против моей воли. Подтвердите это обещание клятвой, и я немедленно открою вам тайну своей души». Бозмунд клялся первым, и за ним последовали остальные. Тогда княжна, придя в восторг, объявила им: «Теперь я верю вам, потому что, как я думаю, вы честны и ни в каком случае не нарушите присяги. Спешите на помощь отцу, который уже готов вступить в битву, и употребите свою силу в его пользу. Если вы победите, и в чем да пособит вам Бог, то не преследуйте неприятеля в бегстве, возвратитесь скорее назад и не слагайте оружия, пока я не прикажу вам того. Между тем я прикажу всем стражам спуститься с башни к нижним воротам и оставаться со мной на дворе, как бы в ожидании вас. По вашем возвращении я предпишу им наложить по-прежнему на вас оковы: тогда вы бросьтесь на них, схватите их и заключите в темницу вместо себя. А я при этом убегу от вас, как от свирепых волков; вы же овладейте крепостью и удерживайте ее в своей власти, пока не успеете заключить выгодного мира с отцом. В крепости есть ворота, которыми вы можете спуститься при помощи каменной лестницы во дворец и захватить в свои руки все сокровища и внутренние комнаты моего отца. Но если в гневе он захочет меня наказать, то прошу вас, мои друзья, которых я люблю, как свое сердце, поспешите скорее ко мне на помощь».

Говоря так, она вооружила рыцарей и выпустила их на свободу. Предварительно же она обманула и подкупила стражей; известив их об этом деле, она сказала им, между прочим, следующее: «Я испытываю большой страх за моего отца, видя, что против него идет такая масса пародов; как неустрашимый воин, он пренебрег помощью своих пленников; но знайте, что он дал мне власть вооружить христиан и выслать их на поле битвы для нашей защиты. Если они победят врага, честь и преимущества останутся за нами. Если же они падут под мечом противников, то и в этом случае нам нет беды в гибели этих чужеземцев, обычаи которых презираются всеми агарянами».

¹ «Что испытано слухом, пусть то подтвердится опытом зрения». Латинские стихи, вложенные в уста мусульманки, показывают ясно, что драматическая форма подробностей, по обычаю того времени, есть дело фантазии автора.